

В руках у меня книга... Маленькая книга — формата А6, в тонкой глянцевой одежке-обложке с незатейливым дизайном в виде длинных черных горизонтальных штрихов. Ничего особенного. Но всё же что-то заставляет сердце биться чаще в предчувствии некой встречи. С неоткрытой ещё мною поэзией? Или душой автора? Или собой, в обратной перспективе (знаете, когда линии к горизонту расходятся, а открытия в твоей жизни только начинаются)?

Честно, я её ещё не раскрывала (только год посмотрела: 1966; значит — шестидесятник). Так что устраивайтесь поуютнее, наливайте чашку душистого чая и давайте откроем её вместе. Как говорится, с чаем и с удовольствием — здесь смайлик.

На обложке ступеньками слово ДО-РО-ГИ. Слово играет с нами, заманивает: дорОги — дорогИ. А под ним ещё одна зазывалочка. Вензелёк «Первая книга поэта». Так вот на что сердце, не спросясь, откликнулось: первая книга — это же как первая любовь.

Имя автора? Конечно, имя — вдоль переплета вертикально — АНАТОЛИЙ РОМАНЕНКО.

Анатолий Романенко родился в далеком 1938 году в поселке Ветка (пригород Донецка). Учился в Кадиевке (сейчас город Стаханов) и Астрахани. Работал грузчиком, дорожным рабочим, шофером... А потом долгие годы журналистом. «Вот, — говорю я себе, — в предписательской биографии много похожего с первым периодом жизни шахтера-писателя Владислава Титова. Оба — работяги, чье детство было украдено войной,

а от этого такая жажда жизни: «читать, любить, работать — всё взахлёб». Именно от Титова привела меня одна из дорог к поэзии Анатолия Семеновича Романенко. В Квартире-музее Владислава Титова хранятся шесть небольших сборников поэта, пять — с дарственными надписями. Хочется рассказать о каждом сборнике, озвучить каждое слово благодарности и пожеланий, посвященное старшему товарищу по творчеству. Поговорим об этом

позже, когда будем перелистывать страницы жизни Анатолия Романенко. А пока не сдержусь и озвучу название ещё одного сборника — «Солнце в глазах». Искрится? Отражается? Спит? Зажигается? Как он придумывал такие простые-непростые названия?

Вернемся к ДО-РО-ГАМ. Сначала всмотримся в дорогу жизни поэта и увидим, как от неё расходятся сотни других дорог и тропинок — стихи, поэмы, поэтические циклы.

В 2023 году Анатолию Семеновичу Романенко могло бы исполниться 85 лет. Прожил — 66. В каких ненаписанных строках его преломилось бы наше многострадальное время?

Рассказывая в автобиографии о детстве, первыми четкими воспоминаниями он называет оккупацию 1942-1943 годов и оккупантов — итальянцев и румын [1, С. 5]. Но в поэтических строках описывает свой жизненный путь от встречи родителей на «дымном полустанке» Донбасса-интернационала:

И всегда горжусь я полустанком,
На котором вышли в звёздный круг
Мать моя — орловская крестьянка
И отец — черниговский пастух [2, С. 5].

«Стоязычной братской колыбелью» называет поэт свою малую родину.

Мамина история из детства о спасшем её из-под колес поезда и погибшем при этом седом человеке легла на страницу сборника одой людям, отдающим душу за други своя [См.: 3, С. 10].

После окончания войны мальчик Толя пошел в школу, которая находилась от дома в нескольких километрах. «Дорога в школу казалась непомерно длинной, — рассказывает поэт, — ибо мы с односельчанином Витькой Запальским были постоянно голодны и, преодолевая этот путь по балкам и голой степи, часто замечали вдали молчаливые силуэты голодных волков» [2, С. 5].

... шли, кое-как накормлены, заплатаны,
за восемь километров от села.

Мы знали: нам положено учиться.

И шли.

И шелестел нам листопад.

Война была для нас лесной волчицей.

Был на троих букварь. Как автомат [4, С. 21].

В. А. Титов стал первоклассником в сентябре 1942. В его школьных воспоминаниях есть строки и о степных волках, и о букварях, переписанных для малышей старшими — учениками 4 класса, и о замерзавших за ночь чернилах, сделанных из сажки. Многие в дальнейшей жизни объясняют факты из детства, описанные им в автобиографии: «в свои восемь — девять лет мы умели пахать землю, сеять и косить хлеб, строить глиняные дома», «враз стали маленькими мужчинами» [5, С. 3].

Через десятилетия поэт А. С. Романенко в белом стихе «Яблоки войны» констатирует как естественный факт: «детство умерло» (белом, потому что не зарифмовалась к этой строке никакая другая). Но даже то, обманутое и обворованное войной детство вырвется навстречу читателю пахучими яблоками — «калейдоскопом цветов и радуг», «краснощеким ярким счастьцем», «детством сладким», которое голодные ребятишки пытались «в пазухи собрать» [4, С. 78-79].

Тяжелые и счастливые послевоенные годы. Вдруг оказывается, что отец жив, что он не «пропал без вести», как было сказано в извещении, а находился раненый в городе Кадиевка. Он, конечно, звал к себе. А когда приехали с матерью и братом, узнали: женат на другой женщине и может взять

одного из сыновей на воспитание. В биографиях тех лет такое встречалось не редко. Не минула похоронка и семью Титовых, ставшая потрясением для жены и четырёх маленьких детей. К счастью, как позже выяснилось, отец был только ранен.

Пройдут годы, и повзрослевшие дети войны Анатолий и Владислав не смогут забыть той боли. Романенко напишет стихотворение о хромом почтальоне, «которого все ждали и боялись» [14, С. 19]. К теме похоронок обращался и Титов: в повестях «Ковыль — трава степная» и «Грезы старого парка», рассказах «Полие воды» и «Сапун-гора».

Одно из самых душевных, «семейных», стихотворений поэт Анатолий Романенко посвятит своему отцу, гордясь его фронтовым прошлым, отзываясь болью на его раны в сыновней душе [См.: 6, С. 42]. Был главным ориентиром для сына Владислава и ещё девяти детей и Андрей Антонович Титов, заслуживший на войне боевые награды. В образе героя повести «Грезы старого парка» Григория Новикова угадываются черты отца писателя.

Уже в школе и Титов, и Романенко воплощают свои первые литературные задумки. Так, под впечатлением гоголевского «Ревизора» Анатолий Романенко напишет сатирическую комедию, за что будет «заложен вместе с пьесой» и переведен в соседнюю школу. Это событие он назвал своим «первым литературным крещением» [1, с. 5-6]. Первой пробой пера у Славы Титова были поэтические строки и — внимание! — сатирическая поэма из жизни школы. И наказание тоже не заставило себя ждать. Когда же в районной прессе опубликовали его заметку о спортивных соревнованиях, он не выпускал газету из рук и «ходил по школе Львом Толстым» [7, С. 272].

После семи лет учебы в школе Анатолий Романенко поступил в 1954 году в Астраханское речное училище, чтобы стать штурманом речфлота и младшим лейтенантом запаса ВМФ. Кстати, и Титов в школьные годы мечтал о карьере моряка, потом летчика. Титова «срезала» медкомиссия сразу, и он пошел в горный техникум, стал шахтёром. А Романенко был отчислен с третьего курса училища из-за обнаруженного врожденного порока сердца. Он выбрал профессию шофёра. И теперь рифмоваться с его жизнью стала не река, а дорога.

...Хоть дорога та и не скатертью,
я ее все равно зову

не иначе как — нежно — матерью,
новой матерью по родству [4, С. 54].

Извилистая, ухабистая и такая недолгая, откроет она перед шофёром-поэтом новые горизонты. И сразу, как отклик на увиденное, подмеченное, поразившее, внезапно открывшееся, рождаются стихи. Отсюда живописная свежесть и пронзительность его поэзии. В.А. Титов называл эту особенность творческого почерка А.С. Романенко «острым ощущением земного бытия и своей причастности к нему» [8, С. 1] и удивлялся тому, что всё описанное в стихах **«ты где-то встречал, но видел не так, не в таких ярких красках, не ощущал всю глубинную красоту земли»** [8, С. 3].

Такая поэзия — череда открытий. Поэт — исследователь, следопыт и проводник в свой мир образности и ритмичности, а из него в бесконечность времени и пространства. В каждой строфе найдется неожиданное словосочетание, в котором слова, как сообщающиеся сосуды, обмениваются содержанием и расцветаются новыми смыслами. От стихотворения к стихотворению меняется ритм — разгадай, подключи к ритму своего сердца и почувствуй, как в него со страниц книги перетекают события и судьбы. А сердце поэта, неприспособленное быть равнодушным, воспринимает даже судьбу мотора как свою:

Мотору бывает больно,
мотору бывает грустно.

...

Ведь — это тоже не просто:
глотать расстояний версты,
натужиться,
выть,
потеть
и —
петь! [4, С. 28].

«Натужиться, выть, потеть и — петь!» — звучит как девиз самого Анатолия Семеновича на дороге жизни. И всё-таки, куда бы ни вела эта дорога, как бы ни были резки ее повороты, круты подъёмы и спуски, он неизменно возвращался домой:

Опять я жду!
И сердце ждет волнуясь.
Сейчас... сейчас за тамбурным окном
ко мне рванется шум донецких улиц
и террикон дохнет в лицо дымком.

Эти рукотворные горы-пирамиды — терриконы — манили и студента Владислава Титова, выманивали из липецкой родной глубинки поскорее вернуться на Луганщину. Каникулы он проводит у родителей, но неизменно скучает по Донбассу «со спелыми арбузами, пахучей кукурузой, недалёкими сопками терриконов» [5, С. 8].

Луганск стал второй родиной В.А. Титова. И А.С. Романенко после всех своих жизненных поворотов остановился в Кадиевке (Стаханове). Работал ответственным секретарем, корреспондентом городских газет «Рабочее слово», «Труд горняка», «Кадиевский рабочий», писал хорошие стихи и в 1973 году был принят в ряды Союза писателей УССР [См.: 9, С. 43].

Вот и все, пожалуй, краткие факты из биографии поэта, озвученные в первых сборниках его стихотворений, и параллели из жизни двух замечательных людей, шагавших в ногу со временем и со своим народом.

Волею судьбы их дороги пересеклись. Этой знаковой встрече с уже прославленным героическим шахтёром-писателем Романенко посвятил стихотворение «Памяти Владислава Титова». Он честно постарался передать и смущение от невозможности пожать руку, которой нет; и отечески заботливые слова Тараса Михайловича Рыбаса, снявшие неловкость; и своё восхищение жизнью-подвигом; и радость общения... [См.: 1, С. 13].

Титов сыграл немалую роль в становлении начинающего поэта не столько критикой, сколько профессиональными советами и простой дружеской поддержкой. В рецензии на поэтическое творчество Анатолия Романенко старший товарищ называл его «одним из наиболее талантливых поэтов Донбасса» [8, С. 7], отмечал дар, **«сильный, самобытный, вобравший в себя все то честное, мужественное, трудолюбивое, чем богата земля»** [8, С. 6], которую поэт «славит своим трепетным стихом» [8, С. 7]. Ссылается В.А. Титов и на авторитетное мнение Тараса Михайловича Рыбаса: «Анатолий — поэтическая надежда Донбасса. И он такой ранимый» [8, С. 2].

Трепетность и ранимость, отмеченные в рецензии, создают в его поэтических творениях особую атмосферу душевности и какой-то всеобъемлющей эмпатии, сочувствия ко всему живому и неживому.

Поэт страдает вместе с шахтой, которую «провожают на пенсию». От имени воина просит прощение у берёзки — «любешки», «лады», «сестры» за три ветки, сожженные в лапшах костра, обещает победить недругов и благодарит за то, что она «умеет яростно пылать». И солнце у него не среднего рода, оно — парень, ладный, работающий и весёлый [См.: 10, с. 237, 235, 240].

Герои его стихотворений — шахтёры, геологи, солдаты, монтажники-высотники... И обо всех — с такой любовью!

Шахтёры-забойщики для него — сердце Земли:

А завтра, ещё и заря не потухла,
Ухо к земле прислони —
Услышишь: рокочет, вздымается глухо
Сердце Земли — они! [3, С. 12.]

Монтажники — «красивый, широкоплечий, крепкоскулый кремень-народ», который «в полёте над громадами городов» небо приваривает к земле [См.: 10, с. 235, 236].

Люди самых разных рабочих профессий в его стихах не играют роль, а живут своей привычной, естественной жизнью.

Многие поэты воспели Донбасс и его шахты, тем более героическую, порой драматическую и такую необходимую людям работу шахтёра. Но Анатолий Романенко сделал это так по-юношески искренне, так многогранно и разноцветно, с таким глубоким сопереживанием и глубинным пониманием всей жизненной «подземной» философии. Об этом особом восприятии жизни писал в своих книгах и Владислав Титов: о романтике и основательности подземного труда, о шахтёрском характере и шахтёрской дружбе, о риске и юморе.

Здесь хватит шуток, «тут без них ни шагу», — читаем у Романенко. Шутят шахтёры — посылают новичков «смазывать ... земную ось». А в одном из стихотворений встречается, например, персонаж шахтёрского фольклора — приведение Шубин «с клюкой своей пудовой» [3, С. 22].

Кажется, нет ничего в суровом облике и мужественной душе горняка, что бы ни заняло в поэтических строках Анатолия Семеновича достойного места, ни приобрело бы основательной значимости. Пафос? Да. Но только соседствуют с ним тонкая метафоричность и смелая образность. И само стихосложение вызывает ощущение новизны, удивляет и настраивает на сотворчество.

Вот, например, всеми узнаваемые детали:

Ресницы — в черно-голубом снегу,
из глубины зрачков — потоки света.

Именно эти потоки делают уместным сравнение глаз с солнцем.

...Окончен день — громоздкий, трудовой, —
взошли глаза шахтеров над Донбассом! [4, С. 3].

Когда после ночной смены горняки поднимаются на-гора, над землей встает солнце. Так поэт выражает своё уважение к людям труда.

Отношению к старикам будет более соответствовать другое слово — почитание. Вот родные деревенские бабушки, помолодевшие на час от радости редких встреч с детьми и внуками: «и лица их, как северные яблоки, румянятся, помолодев на час» [3, С. 20]. А вот старики —

Неподкупны, строги, внимательны,
до последних седин — бойцы,
беспокойные, словно матери,
и суровые, как отцы,

которые «в наши души глядят в упор». И даже не они глядят, а их боль. Перед ней, «поседелой», хочется стать на колени и попросить прощения [4, С. 5].

И это таинство прощения-покаяния поэт проходит достойно: он собирает стариков и их истории под обложками своих уютных книг. Вы знаете, им очень важно бывает порой рассказать свою историю. Казалось бы, и темы обыденные, и персонажи обычные, да и сюжеты несложные. Но прочитайте белый стих «Вишневый сад»: он не только белый по форме, он светлый от исконной сыновней любви, от человечности. Этот сад,

Безбрежный,
белоснежный,
вешний,
нежный,
разбушевался в утренней прохладе.

Чудесным образом он возвращает деду Игнату молодость...

И верит сад: его седой садовник,
пока он здесь, — не сможет умереть! [10, с. 71, 72].

Анатолий Романенко пишет обо всем честно и мужественно:
боль — значит боль, смерть — значит смерть.

Почему? Почему наши добрые матери
покидают нас?!
Разве можно к такому когда-то привыкнуть?!
...Можно жадно схватить остывающую ладонь,
удержать, не пустить.
— Ма-ма! Мамочка!! — вскрикнуть.
Мать услышит в ладони сыновий огонь... [4, С. 67].

Да, есть и такие пронзительные — на разрыв — строки.
Их и читать-то больно, а каково же было писать?

«Злую штуку — смерть» поэт знал не понаслышке: обнаруженный при обследовании порок сердца мешал и дышать, и творить.

И лишь порой, когда дышу стихами
и вдруг в груди кольнет холодный нож,
я ей кричу: — Уйди!! —
и, задыхаясь:
— Дай дописать строку... Потом кольнешь...
Потом вонзишься... Обожди немного...
И, вырвав сердце из холодных лап,
спешу героя проводить в дорогу,
покуда сам навеки не ослаб.

Молодой человек, получивший пожизненно от судьбы порок сердца (как Романенко) или физические увечья вследствие страшной аварии (как Титов), принявший этот вызов и победивший, имеет право говорить на самые громкие темы, настаивать, обличать, учить.

— Не надо крови! Дайте волю песням!
Да здравствует зеленая листва! —
Пусть перепашет все земные горы,
враждебные границы разнесет,
чтоб не казалась яблоком раздора
Земля
с крутых космических высот! [11, С. 47-48].

Поэт призывает к миру краткими рифмованными строками. Прозаик в повести «Грезы старого парка» убеждает не возвращаться в «кровожадного хищника, потерявшего рассудок от ран, нанесенных ему обезумевшими собратьями» [12, с.18].

Сложно охватить всё разнообразие тем, так художественно и одновременно правдиво раскрытых Анатолием Семеновичем Романенко. Пожалуй, не хватит и эпитетов, чтобы описать весь диапазон красок на его поэтической палитре — от философской созерцательности до почти детской восторженности, от задиристой иронии до скорбной немногословности.

С особым тактом говорит поэт о любви, своей и чужой, взаимной и безответной. Любовь у него — это очень личное, и поэтому близкое каждому. Такие слова хотелось бы слышать, хотелось бы говорить...

Наполни до краев
свои глаза
моими.
Войди в меня —
луна в уснувший лес.
Смотри лучами,
освещай прямыми,
как я цвету,
когда ты рядом, здесь! [6, с.51].

Чтобы так глубоко постичь жизнь во всём её многообразии, и Титов, и Романенко сначала спустились в шахту. А когда стали подниматься на-гора, то не смогли задержаться на поверхности земли и уже с высоты своего литературного и личного мирозерцания заговорили с нами о ценности всего сущего.

К сожалению, дороги жизни у обоих оказалась недолгими, но в одном из стихотворений Анатолия Семеновича Романенко старый углекоп на вопрос молодого шахтёра

«Послушай, а если... рухнет?
Послушай — и нас не будет?
Нигде, никогда не будет?»
ответил:

— Придут ведь люди!

Чудак. Да придут ведь люди!!.. [8, с. 15].

Эти люди — мы! И мы пришли к замечательным книгам и их авторам, чтобы глубже постичь жизненные смыслы и вместе с поэтом сказать: «Принимай наши песни, жизнь!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Жайвори над Луганщиною: Літературні портрети членів Луганської Обласної Організації Національної Спілки письменників України/ Упор. Медведенко А.Ю., Неживий О.І. — Луганськ: Світлиця, 2004. — 352 с.

2. Літературна Луганщина: Збірка бібліографічних матеріалів про життя і творчість письменників та їх твори/ Упор. Ночовний М.В. — Луганськ: Лугань, 1992. — 192 с.

3. Письменники Луганщини: Бібліографічний словник-довідник/ Автор-упор. Неживий О.І. — Луганськ: Світлиця, 2007. — 56 с.

4. Письменники Радянської України: Довідник/ Ред. Моргаєнко П.Д. К.: Радянський письменник. 1976. — 416 с.

5. Романенко А.С. Дороги: Стихи /А.С. Романенко — Донецк: Донбас, 1966. — 56 с.

6. Романенко А.С. Земляки: Стихи / А.С. Романенко — Донецк: Донбас, 1983. — 76 с

7. Романенко А.С. Переулочок Трьох сестер: Стихи, поезма / А.С. Романенко — Донецк: Донбас, 1978. — 91 с.

8. Романенко А.С. Рычаг: Стихи / А.С. Романенко — К.: Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1972. — 56 с.

9. Романенко А.С. Свидания на старом терриконе: Стихи / А.С. Романенко — М.: Советский писатель, 1978. — 96 с.

10. Романенко А.С. Солнце в глазах: Стихи / А.С. Романенко — М.: Советский писатель, 1966. — 84 с.

11. Титов В.А. Автобиография, 1985 г. (рукопись из домашнего архива семьи Титовых).

12. Титов В. А. Грезы старого парка: Повести / В. А. Титов — К.: Рад. пысьмэннык, 1988. — 552 с.

13. Титов В. А. Жизнь прожить... Повесть / В. А. Титов — М., Молодая гвардия, 1975. — 304 с.

14. Титов В. А. Талант сильный и мужественный (рукопись рецензии из домашнего архива семьи Титовых).